

Научная статья
 УДК/UDC 343
 DOI: 10.21779/2224-0241-2021-40-4-129-133

Террор по франшизе*, или отделение имён от тел

А.В. Ростокинский¹, С.В. Данелян²

^{1,2} Школа права Института права и управления ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Российская Федерация

¹ RostokinskiiAV@mgpu.ru

² DanelyanSV@mgpu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуальной тенденции взаимодействия международных террористических сообществ и организаций с террористами-одиночками, по собственной инициативе планирующими преступления по месту своего нахождения. Изучено использование данными лицами сети Интернет, социальных сетей и мессенджеров в террористической деятельности, а также взаимных интересов взаимодействующих субъектов. Проведен анализ воздействия международных террористов на своих сторонников в формах: агитации, пропаганды и одобрения терроризма, распространения соответствующих экстремистских материалов, вовлечения в деятельность действующих террористических ячеек и банд, дистанционного обучения приемам и методам ведения террористической деятельности, вплоть до руководства при подготовке конкретного преступления определенным лицом и организации «москитных» атак.

Ключевые слова: терроризм одиночек, террористическая организация, экстремистская пропаганда, распространение инструкций, социальные сети

Для цитирования: Ростокинский А. В., Данелян С. В. Террор по франшизе, или отделение имён от тел // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 40, № 4. С. 129–133. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-40-4-129-133

Original article

Terror by franchise*, or separation of the name from the bodies

Alexander V. Rostokinsky¹, Sergey V. Danelyan²

^{1,2} School of Law of the Institute of Law and Management, State Autonomous Educational Institution of Higher Education, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

¹ RostokinskiiAV@mgpu.ru

² DanelyanSV@mgpu.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the current trend of interaction of international terrorist communities and organizations with lone terrorists who, on their own initiative, plan crimes at their location. The use of the Internet, social networks and messengers by these persons in terrorist activities, as well as the mutual interests of interacting subjects, is studied. The article analyzes the impact of international terrorists on their supporters in the following forms: agitation, propaganda and approval of terrorism, distribution of relevant extremist materials, involvement in the activities of existing terrorist cells and gangs, distance learning techniques and methods of conducting terrorist activities, up to leadership in the preparation of a specific crime by a certain person and the organization of "mosquito" attacks.

Keywords: Terrorism of singles, a terrorist organization, extremist propaganda, distribution of instructions, social network

For citation: Rostokinsky A.V., Danelyan S.V. Terror by franchise, or separation of the name from the bodies. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2021, vol. 40, no. 4, pp. 129–133. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-40-4-129-133 (In Russ.).

Несмотря на фиксируемое официальной статистикой сокращение числа терактов, регистрируемых в нашей стране, подобные преступления продолжают оставаться одним из наиболее серьезных факторов, дестабилизирующих безопасность общества и государства. При этом с начала 2010 г.

отмечается значительный рост террористической активности преступников-одиночек и малочисленных групп лиц, формально не являющихся членами или бывшими участниками незаконных вооружен-

*Комплекс благ, состоящий из прав пользования брендом и бизнес-моделью, передающей стороны (франчайзер), а так-

же иных благ, необходимых для создания и ведения бизнеса получателем (франчайзи). В качестве франшизы могут выступать методы ведения бизнеса, товарный знак, технология с взаимными обязательствами и льготами между передающей и получающей сторонами (Викисловарь).

ных формирований и банд, действующих на территории Северного Кавказа или иных международных террористических организаций. Однако данные лица при совершении преступных посягательств активно декларируют собственное участие именно в таких движениях и сообществах, а последние получают дополнительные возможности для устрашения, саморекламы, пропаганды и привлечения новых последователей.

Современные исследования позволяют утверждать, что «сложноорганизованные и непосредственно руководимые международными террористическими организациями теракты составляют около 30 % от общего числа, большая же часть совершена террористами-одиночками, количество которых неуклонно растёт» [1, с. 188].

Например, получившие широкий всемирный резонанс теракты «11 сентября» в США были организованы группами, объединившимися самостоятельно, но проходившими на отдельных этапах подготовку при поддержке лидеров международной террористической организации «Аль-Каида»*. Но после разгрома основных баз последней в Центральной Азии и, особенно, после введения войск стран Коалиции в Ирак в Западной Европе были совершены акты бомбового терроризма в лондонском метро (июль, 2005) и в 10 поездах на двух вокзалах в Мадриде (март, 2004), повлекшие многочисленные жертвы. Организаторы и непосредственные исполнители данных преступлений, хотя и декларировали в своих посмертных интернет-публикациях собственное участие в войне со странами-участницами Коалиции на стороне «Аль-Каиды», действовали, планировали и финансировали свои атаки самостоятельно. Некоторые соучастники имели в прошлом связи с международным террористическим сообществом, что позволило ряду исследователей определить такие группы как заранее образованные на территории стран Европы «спящие», «засланные» и т.п. ячейки, диверсионные подразделения «Аль-Каиды». Для привлечения в них дополнительных участников и ресурсов сочувствующих лиц, она распространяла информационно-пропагандистские материалы различного формата, включая издание англоязычного интернет-журнала, оказывала финансовую поддержку радикальным религиозным объединениям на территории разных стран, в том числе для выезда наиболее способных последователей для получения религиозного образования и прохождения боевой подготовки в лагерях на территориях других государств, контролируемых террористами.

Вместо относительно жесткой включенности в иерархические структуры экстерриториальной террористической организации по схеме: экстремистское сообщество как совокупность лиц,

сочувствующих деятельности террористов, — исполнитель — боевая группа — незаконное вооруженное формирование — кураторы или руководители центра подготовки — высшие руководители и идеологи — в рассматриваемых случаях имеет место идеологическая обработка с эпизодическими и функциональными контактами будущего террориста с интересующими его лицами и по его инициативе, как правило, дистанционно. С одной стороны, сеть Интернет «охватывает гораздо большее число людей, чем традиционные СМИ, с другой, позволяют распространять любую информацию анонимно. ... Распространённым стало создание террористических сообществ и вовлечения в них новых участников посредством... анонимных групп общения в социальных сетях и мессенджерах» [2, с. 110].

Вообще-то интернет-вербовка не первое десятилетие претворяется в практике не только террористов, но и экстремистских сообществ и даже специальных служб различных государств. Она проводится с использованием метода геймофикации, перехода всё более сокращающейся группы условных «победителей» с уровня на уровень. Вначале стимулируется сетевая активность заинтересовавшихся субъектов в Интернете: посты, перепосты публикаций, комментарии, участие в обсуждениях, общении с подготовленными авторами. Затем предлагается задействовать личные контакты по поиску сообщников. В дальнейшем заинтересованному лицу может быть предложено участие в «акциях» в реальном мире: рисование граффити, распространение листовок и публикаций в Интернете, посещение собраний, оказание разовых услуг их участникам. После задания могут изменяться — от участия в травле какого-либо лица или группы лиц, виртуальной или реальной по методу флешмоба, или в массовых выступлениях, и далее, вплоть до совершения «в офлайне» общеуголовных преступлений, участия в бандах и терактов с самоубийством.

Механизм саморадикализации одиночек включает виртуальное общение лица как с другими сторонниками террористических и экстремистских организаций, так и непосредственно с их представителями. Виртуальная коммуникация может состоять в обмене радикальными идеями, взаимном подстрекательстве к совершению терактов, оказании интеллектуального пособничества (содействии советами, указаниями, предоставлением сценариев и иной информации) и даже дистанционном планировании и координации действий одиночки либо вообще не связанных между собой одиночек [3, с. 106].

Поэтому, как отмечают исследователи, не следует рассматривать действия террористов-одиночек и малочисленных групп, объявляющих себя частью частично разгромленных, частично «ушедших в Интернет» террористических органи-

* Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации.

заций, как некую архаичную форму террористической деятельности, возрождение которой противоречит общей линии эволюции террористической угрозы в XX – начале XXI века росту организованности террористических образований и созданию мощных национальных и даже транснациональных террористических организаций [4, с. 47, 56]. «Речь идет, скорее, об использовании международными террористическими организациями тактики одиночных, т.н. москитных атак, имеющих массовый характер и инспирированных благодаря применению современных информационных технологий» [3, с. 92].

Например, много лет гуляющие по просторам Интернета ролики убитого в Ингушетии в марте 2010 г. террориста А. Тихомирова (Саида Бурятского) вполне могут пригодиться кому-то в качестве обстоятельных инструкций по организации банд, их сокрытию и снабжению, подготовке совершения преступлений и т.п. Подпольные компакт-диски с его выступлениями расходились в конце 2000-х гг. по Северному Кавказу многотысячными тиражами. Он писал не только религиозные тексты, но и исторические эссе и документальные зарисовки о жизни «ярких героев сопротивления». Не случайно именно такие записи вперемежку с «духовными» песнопениями были обнаружены в ходе обысков у членов приморской банды «партизан» [5, с. 29]. О проекте «Исламское государство» (далее – ИГИЛ)* в Сирии еще ничего не было слышно. Исламисты пытались реализовать в России новый проект вместо разгромленной Ичкерии, но уже по лекалам «Аль-Каиды» и «Братьев-мусульман».

Интересы террориста-одиночки и организации, на стороне которой он собирается выступить при совершении теракта, в подобных случаях являются обоюдными и определяются особенностями реализации объективной стороны планируемого преступления. Исполнитель или группа, как правило, никаких требований обществу, государству и (или) международным организациям не выдвигают. О связи его (её) действий с интересами террористического сообщества или организации на момент начала посягательства ничего не известно. Публикуемые клятвы, присяги выступают лишь средством самоидентификации с одной из сторон вооруженного конфликта, отождествления себя со страшной силой, наводящей ужас на человечество.

Декларируемое перерождение лица, вступающего на путь террора, объявляемого «религиозной войной», позволяет существенно повысить в собственных глазах статус любого человека, не реализовавшего себя в легальной деятельности, или же достигшего – по собственным ощущениям – определенного социального потолка, преодолеть который в рамках

легальных норм, процедур и институтов не представляется возможным [5, с. 30; 6, с. 26].

Организация, подобно легальной фирме-франшизодателю, получает возможность: расширить географию собственной деятельности без создания каких-либо отдаленных от основных районов базирования относительно многочисленных подразделений, перемещения к ним и обратно наемников, курьеров и инструкторов, вооружений, финансовых и иных средств; угрожать соответствующим обществам и их правительствам диверсионной войной в форме терактов, совершаемых уже на их территории силами своих сторонников из числа местных граждан, планы и вооружение которых неизвестны.

Тем самым, с одной стороны, достигается существенный пропагандистский эффект от террористических угроз. Например, правительство Испании после терактов на железной дороге под давлением различных политических сил приняло решение о прекращении участия испанского воинского контингента в операциях сил Коалиции на территории Ирака и Афганистана. С другой стороны, успех террористов-одиночек или малочисленных групп способствует дальнейшему росту авторитета и влияния данной организации среди экстремистски настроенных лиц, видящих продолжение террористической деятельности, перенос её на новые объекты и территории, самовозобновление кадрового состава организации, рост её возможностей, международных связей, получающим эмоционально окрашенный пример для подражания и т.п.

Особенно важно это при разгроме основных баз, нейтрализации наиболее известных лидеров и прекращении организованного вооруженного сопротивления в районах базирования организации, сокращения возможностей международного финансирования и вооружения сторонников. Так, по оценкам специалистов, члены группы Мухаммеда Хана потратили на всю подготовку терактов в лондонском метро менее 8 тысяч фунтов стерлингов.

Когда в 2017 году ИГИЛ (запрещенная в РФ организация) потеряла около 95% ранее контролируемых территорий в Сирии и Ираке, в том числе и основные источники своих доходов – крупнейшие нефтегазовые месторождения, – она изменила и пропагандистскую риторику. Если раньше основной темой призывов идеологов ИГИЛ к своим сторонникам было переселение на земли Халифата, чтобы вести там «священную войну с неверными», то после фактического разгрома террористы призывали сторонников совершать одиночные вылазки на территории своих стран, убивать безоружных людей. Для этого был выпущен справочник с подробными инструкциями по подготовке терактов «быстрой сборки» с использованием автотранспорта, ножей, топоров и других подручных средств, описанием приемов и методов конспирации, способов идеологической самоподготовки. Подобный опыт был отмечен еще в 2015 году, в период обост-

*Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации

рения арабо-израильского конфликта, в который активно включились и пропагандисты ИГИЛ, получивший название «интифады ножей» [3, с. 5; 7].

Российское общество и государство столкнулись с терроризмом одиночек, действующих под этим «брендом», несколько позже. Так, в августе 2017 года двое молодых чеченцев с ножами напали на пост ДПС в г. Балашихе. Двое полицейских были ранены, один из них впоследствии скончался в больнице. Оба преступника были ликвидированы. Накануне нападения они записали видеообращение с присягой ИГИЛ на фоне флага данной организации с ножами в руках. Спустя несколько недель в г. Сургуте 19-летний А. Гаджиев с ножом и топором напал на улице на случайных прохожих. Было ранено 8 человек, а нападавший застрелен сотрудниками полиции. На следующий день в Интернете появилось видеообращение Гаджиева также на фоне флага ИГИЛ с соответствующими комментариями террористов, прославляющих очередного «джихадиста», и угрозами россиянам за военные действия в Сирии.

В марте 2018 года 22-летний Х. Халилов под влиянием пропаганды ИГИЛ записал и направил террористам видео с собственной «присягой» организации. Халилов поклялся в верности на тот момент лидеру Абу Бакру аль-Багдади на фоне флага ИГИЛ с ножом в руках и с охотничьим ружьём, которым владел на законных основаниях. Халилов назвал планируемый им теракт «акцией возмездия» и «мстью (России) за войну в Сирии». В дальнейшем он приехал с этим ружьём на своей машине в город Кизляр во время празднования Масленицы, пришел к Свято-Георгиевскому храму и открыл огонь по прихожанам, 6 из которых погибли, а 3 получили ранения. В перестрелке с прибывшими полицейскими террорист был убит. Уже на следующий день ИГИЛ объявила данный теракт своей «очередной победой».

Ни одно из этих происшествий не было квалифицировано как теракт. Ни видеообращения преступников на фоне флага ИГИЛ, ни исламистская риторика не повлияли на квалификацию содеянного по статьям 317 или части 2 статьи 105 УК РФ. Между тем, распространение подобных видео явно указывало на наличие коммуникации между членами названной террористической организации и будущими исполнителями теракта, осуществлявшейся, скорее всего, дистанционно, через интернет-сервисы.

Как отмечают некоторые авторы, «содержание данной коммуникации может включать в себя

не только простую пересылку материала, но и определенную координацию действий лица со стороны террористов. В этой связи встает важный методологический вопрос: является ли факт наличия такого виртуального общения ... признаком, исключающим определение исполнителя нападения в качестве террориста-одиночки?» [3, с. 99]. В подобных случаях, по нашему мнению, критерием разграничения следует считать роль интернет-агитаторов, наставников и кураторов при подготовке конкретного преступления. В случае совместного планирования с обсуждением конкретных целей и деталей нападения, предоставления именно для этих целей материальных средств, включая вооружение, финансирование, дистанционное обучение приемам и способам террористической деятельности в связи с ранее разработанным и согласованным планом, в действиях виртуальных руководителей имеет место соучастие в совершении преступления, предусмотренного статьёй 205 УК РФ, в том объеме содеянного исполнителем, который охватывается умыслом данных лиц.

Тогда как распространение инструкций и наставлений более «общего» характера, например, с описанием самодельных взрывных устройств, приёмов использования подручных средств, гражданской техники, средств связи соблюдения конспирации, оказания иной методической помощи и т.п. — при ведении террористической деятельности и в связи с её осуществлением, но без связи с планируемыми действиями конкретного исполнителя — образует самостоятельный состав преступления, предусмотренного статьёй 205.4 УК РФ. По содержанию распространяемой информации он отличается от простой пропаганды терроризма, его публичного одобрения, публичных призывов к совершению терактов, например, объявления их актами классовой борьбы, национального самоопределения, религиозных подвигов и т.п. (статья 205.2 УК РФ).

Таким образом, актуальной проблемой противодействия современному терроризму одиночек, процессам их самоорганизации вокруг международных террористических сообществ является привлечение к ответственности лиц, использующих электронные сети не только для пропаганды и одобрения терроризма, распространения соответствующих идеологических материалов, но и для анонимного обучения приемам и методам ведения террористической деятельности терактов, руководства конкретными лицами, самостоятельно замыслившими и готовящими данные преступления.

Список источников

1. Новикова О.Н. Терроризм «одиноких волков» // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 4. С. 188–207.
2. Павлик М.Ю., Боричев К.В. Терроризм одиночек: основные тенденции и особенности противодействия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 106–112.

3. Смирнов А., Андрюхин Н. Терроризм одинок как современная форма террористической деятельности // *Международная жизнь*. 2018. №9. С. 106.
4. Терроризм в современном мире / под ред. В.Л. Шульца. 2-е изд. М.: Наука, 2011. С. 47, 56.
5. Греб В.Г., Ростокиский А.В. Еще раз о вере и лесных братьях // *Российский следователь*. 2013. № 5. С. 29–30.
6. Дюпин С. Смерть Саида // *Коммерсантъ Власть*. 2010. №10. С. 26–27.
7. Гордиенко И. Теракт быстрой сборки // *Новая газета*. 21.02.2018. № 19. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/02/20/75566-terakt-bystroy-sborki> (дата обращения: 21.12.2020).

References

1. Novikova O.N. Terrorism «odinokikh volkov» [Lone Wolf Terrorism], *Aktual'nye problemy Evropy* [Topical problems of Europe], 2017, no. 4, pp. 188–207. (In Russian).
2. Pavlik M.Yu., Borichev K.V. Terrorism odinochek: osnovnye tendentsii i osobennosti protivodeistviya [Singleton Terrorism: Main Trends and Features of Counteraction], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 1 (85), pp. 106–112. (In Russian).
3. Smirnov A., Andryukhin N. Terrorism odinochek kak sovremennaya forma terroristicheskoi deyatel'nosti [Solitary terrorism as a modern form of terrorist activity], *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International life]. 2018, no. 9, p. 106. (In Russian).
4. Terrorism v sovremennom mire [Terrorism in the modern world], ed. V.L. Shul'tsa. Moscow, Norma Publ., 2011, pp. 47, 56. (In Russian).
5. Grib V.G., Rostokinskii A.V. Eshche raz o vere i lesnykh brat'yakh [Once again about faith and forest brothers], *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator.], 2013. no. 5. p. 29–30. (In Russian).
6. Dyupin S. Smert' Saída [Death of Said], *Kommersant "Vlast"* [Kommersant Power], 2010, no. 10, pp. 26–27.
7. Gordienko I. Terakt bystroí sborki, *Novaya gazeta* [Rapid assembly attack], 21.02.2018, no. 19. (In Russian). Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/02/20/75566-terakt-bystroy-sborki> (accessed 21.12.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ростокиский Александр Владимирович, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Школы права Института права и управления ГАОУ ВО «Московский городской университет (МГПУ)», профессор, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: RostokinskiiAV@mgpu.ru

Данелян Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Школа права Института права и управления ГАОУ ВО «Московский городской университет (МГПУ)», г. Москва, Российская Федерация, Российская Федерация. E-mail: DanelyanSV@mgpu.ru

Поступила в редакцию 21.09.2021 г.; одобрена после рецензирования 11.11.2021 г.; принята к публикации 22.11.2021 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rostokinsky Alexander Vladimirovich, Head of the Department of Criminal Law Disciplines at School of Law of the Institute of Law and Management, State Autonomous Educational Institution of Higher Education, Moscow State Pedagogical University, Professor, Doctor of Law, Associate Professor, Moscow, Russian Federation, E-mail: RostokinskiiAV@mgpu.ru

Danelyan Sergey Vladimirovich, Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, School of Law of the Institute of Law and Management, State Autonomous Educational Institution of Higher Education, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation. E-mail: DanelyanSV@mgpu.ru

Received 21.09.2021; approved after reviewing 11.11.2021; accepted for publication 22.11.2021